Сожжение Хром

Уильям Гибсон

SHOUT
SHARE
IT

- Уильям Гибсон
  -

Уильям Гибсон

Сожжение Хром

Той ночью, когда мы сожгли Хром, стояла жара. Снаружи, на улицах и площадях, было светло как днем, вьющиеся вокруг неоновых ламп мотыльки бились насмерть об их горячие стекла. А на чердаке у Бобби царил полумрак, светился лишь экран монитора да зеленые и красные индикаторы на панели матричного симулятора. Каждый чип в симуляторе Бобби я чувствую сердцем: с виду это самый обыкновенный «Оно-Сендай VII», а попросту «Киберспейс-семерка», но я столько раз его переделывал, что вам пришлось бы порядочно попотеть, чтобы найти хоть каплю фабричной работы во всей этой груде кремния.

Мы сидели перед панелью симулятора и ждали, наблюдая, как в нижнем левом углу экрана таймер отсчитывает секунды.

— Давай, — выдохнул я, когда подошло время. Но Бобби был уже наготове, он весь подался вперед, чтобы резким движением ладони ввести русскую программу в паз. Он проделал это легко и изящно, с уверенностью мальчишки, загоняющего в игровой автомат монеты, который знает — победа будет за ним и бесплатная игра обеспечена.

В глазах закипела серебряная струя фосфенов и, словно трехмерная шахматная доска, в голове у меня стала разворачиваться матрица бесконечная и абсолютно прозрачная. Когда мы вошли в сеть, русская программа как будто слегка подпрыгнула. Если бы кто-то другой мог сейчас подключиться к этой части матрицы, он увидел бы, как из маленькой желтой пирамиды, представляющей наш компьютер, выкатился пенистый вал, сотканный из дрожащей тени. Программа была оружием-хамелеоном, она подстраивалась под локальные изменения цвета и тем самым прокладывала себе дорогу в любой встречающейся на ее пути среде.

— Поздравляю, — услышал я голос Бобби. — Только что мы стали служебным запросом по линии Ядерной Комиссии Восточного Побережья…

Если образно — мы, как пожарная машина с ревущей вовсю сиреной, неслись по волоконно-оптическим линиям-магистралям, пронизывающим кибернетическое пространство; а по сути — для нас, вошедших в компьютерную матрицу, открывался прямой путь к базе данных Хром. Я еще не мог разглядеть самой этой базы, но

уже чувствовал, как замерли в ожидании стены, которые ее окружали. Стены из тени. Стены из льда.

Хром: кукольное лицо ребенка, гладкое, словно отлитое из стали, и глаза, которым место разве что на дне глубоководной Атлантической впадины, — серые холодные глаза, посаженные будто под страшным давлением.

Поговаривали, что всякому, кто перебегал ей дорогу, она в лучших средневековых традициях готовила смертельный отвар — отведавший его умирал не сразу, а лишь годы и годы спустя. Вообще, о Хром много чего болтали, и во всех этих рассказах приятного было мало.

Поэтому я погнал ее из сознания вон и представил перед собой Рикки.

Рикки, склонившуюся в луче дымного солнечного света, искаженного сеткой из стали и стекла, в выгоревшей защитной куртке военного образца, в розовых прозрачных сандалиях. Представил, как она изгибает обнаженную спину, когда роется в своей спортивной сумке из нейлона. Вот она поднимает глаза, и белокурый локон, падая, щекочет ей нос. Улыбаясь, она застегивает на пуговицы старую рубашку Бобби — землистый выцветший хлопок, едва прикрывающий ее грудь.

Она улыбается.

— Сукин сын, — пробормотал Бобби. — Мы только что сообщили Хром, что мы — ревизоры Службы Налоговой Инспекции, и выдали ей три повестки из Верховного Суда… Пускай подотрется, Джек…

«Прощай, Рикки. Быть может, больше мы никогда не увидимся».

И темнота, одна темнота в ледяной крепости Хром.

***

Он был ковбоем, мой Бобби, ковбоем, оседлавшим компьютер. Он не мыслил свою жизнь без игры, той опасной игры со льдом, которым Электронная Защита Против Вторжения укрывает источники информации. Матрица по сути абстрактное представление взаимоотношений различных информационных систем.

Для законного программиста, когда он подключается к сектору своего хозяина, информация корпорации представляется в виде сверкающих геометрических построений, которые его окружают.

Башни ее и поля, разбросанные в бесцветном псевдопространстве симуляционной матрицы — всего лишь

электронная видимость, облегчающая процесс управления и обмен огромными объемами данных. Законным программистам дела нет до тех стен из льда, позади которых они работают, стен тьмы, которые скрывают их операции от других — артистов индустриального шпионажа и деловых ребят вроде Бобби Квинна.

Бобби был ковбоем. Он был хакером, вором-взломщиком, потрошившим разветвленную электронную нервную систему человечества. Он присваивал информацию и кредиты в переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды во тьме, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем.

Бобби был одним из тех потерявшихся во времени лиц, которых всегда застанешь за выпивкой в «Джентльмене-Неудачнике», популярном в городе баре, пристанище для электронных ковбоев, дельцов и прочих ребят, хоть каким-то боком связанных с кибернетикой.

Мы были партнерами.

Бобби Квинн и Автомат-Джек. Бобби — вечно в темных очках, худощавый, бледный красавчик, и Джек — зловещего вида парень, да еще в придачу и с нейроэлектрической рукой. Бобби — обеспечивает программу, Джек — «железо».

Бобби шлепает по консоли пульта, Джек устраивает все эти маленькие штучки, без которых не обскачешь других. Так или почти так услышали бы вы все это от зрителей в «Джентльмене-Неудачнике», если бы вам случилось туда заглянуть в ту пору, когда Бобби и не думал о Хром. Они бы не преминули добавить, что Бобби уже не тот, темпы падают и найдется кое-кто из ребят, за которыми ему не угнаться. Ему было уже двадцать восемь — для электронного ковбоя это почти что старость.

В своем деле мы были мастерами. Но почему-то по-настоящему большая удача — та, которая приходит лишь раз, — обходила нас стороной. Я знал, куда сунуться, чтобы достать нужное оборудование, и Бобби всегда был в ударе. Он мог сидеть, откинувшись, перед пультом — белая бархатная полоска пересекает лоб — и, пробивая себе дорогу сквозь самый крутейший лед, какой только бывает в бизнесе, выстреливать клавишами быстрее, чем мог уследить глаз. Но чтобы такое случилось, должно было произойти нечто, что только одно и могло заставить его выложиться на полную. А такое бывало не часто.

По совести говоря, мы с Бобби — ребята неприхотливые. Уплаченная вовремя рента, чистая рубашка на теле — большего мы от жизни не требовали. А что до высоких материй, то нам до

них дела не было.

Лично для Бобби единственной в жизни картой, к которой он относился всерьез, — была очередная любовь. Впрочем, на эту тему мы с ним не разговаривали никогда. И тем летом, когда наши дела, похоже, пошли на спад, он все чаще и чаще стал засиживаться в «Джентльмене-Неудачнике». Он мог часами сидеть за столиком неподалеку от раскрытых дверей и следить за проходящими толпами. И так из вечера в вечер, когда вокруг неоновых ламп кружатся безумные мотыльки, а воздух пропитан запахами духов и жратвы из уличных забегаловок. Его скрытые за очками глаза вглядывались в лица прохожих, и, когда появилась Рикки, он уже нисколько не сомневался, что она и была той единственной верной картой, которую он так ждал.

***

В тот раз я решил смотаться в Нью-Йорк, чтобы проверить рынок, и заодно присмотреть чего-нибудь «горяченького» из программного обеспечения.

В лавке Финна, в окне, над пейзажем из дохлых мух, укутанных в шубки из пыли, светилась попорченная реклама «Метро Голографикс». Внутри было по пояс всякого хлама. Кучи его волнами взбирались на стены, и сами стены были едва видны за сваленной в беспорядке рухлядью и низко провисшими полками, заставленными старыми изорванными журналами и пожелтевшими от времени годовыми комплектами «Нэшнл Джиогрэфик».

— Тебе нужна пушка, — с ходу заявил Финн. Более всего он напоминал человека, на котором отрабатывали программу по искусственному замещению генов, чтобы вывести породу людей, приспособленных для рытья нор высокоскоростным способом. — Тебе повезло. Я как раз получил новенький «Смит и Вессон». Тактический образец, калибр — четыре и восемь. Под дулом у него закреплен ксеноновый излучатель, батарейки в прикладе, позволяет ночью, когда ни черта не видно, за пятьдесят шагов от тебя создать круг двенадцати дюймов, в котором светло, как днем. Источник света так узок, что его почти невозможно засечь. Это вроде, как колдуну ввязаться в ночную драку.

Я позволил своей руке с лязгом опуститься на стол и принялся выстукивать дробь. Скрытые сервомоторы загудели, как рой москитов. Я знал, что Финн терпеть не может этой моей музыки.

— Ты соберешься ее когда-нибудь починить? — Обгрызенной шариковой ручкой он потыркал в мою дюралевую клешню. —

Может, придумаешь себе чего-нибудь потише?

— Мне не нужно никаких пушек, Финн, — я продолжал испытывать его слух, как будто не расслышал вопроса.

— Ладно, — вздохнул он, — как хочешь.

Я перестал барабанить.

— Имеется одна вещь для тебя. Но что это — хоть убей, не знаю. — Он сделал несчастный вид. — Я получил ее на прошлой неделе от малышей из Джерси, которые орудуют при мостах и тоннелях.

— Значит, взял неизвестно что? Как это тебя угораздило? А, Финн?

— А я жопой чувствую.

Он передал мне прозрачный почтовый пакет с чем-то похожим на кассету для магнитофона, насколько можно было увидеть сквозь рифленую пузырчатую оболочку.

— Еще был паспорт, — сказал Финн, — и кредитные карточки с часами.

Ну, и это.

— Я так понимаю, что ты приобрел содержимое чьих-то карманов.

Он кивнул.

— Паспорт был бельгийский. Подделка, я его сжег. А с часами полный порядок. Фирма Порше, часики — первый сорт.

Ясно — это была какая-то разновидность военной программы вторжения.

Вынутая из пакета, она походила на магазин к винтовке ближнего боя с покрытием из непрозрачного пластика. По углам и краям металл вытерся и светился — похоже, за последнее время кому-то частенько приходилось ей пользоваться.

— Я сделаю тебе на ней скидку, Джек. Как постоянному покупателю.

Я улыбнулся. Получить скидку у Финна — все равно, что упросить Господа Бога отменить закон всемирного тяготения на то время, пока тебе нужно переть тяжеленный ручной багаж на десяток секций через залы аэропорта.

— Похоже на что-то русское, — заметил я равнодушно. — Скорее всего, аварийное управление канализацией для какого-нибудь Ленинградского пригорода. Как раз для меня.

— Сдается мне, — сказал Финн, — ты такой же умный, как мои старые башмаки, и мозгов у тебя не больше, чем у тех сосунков из Джерси. А ты думал, я продаю тебе ключи от Кремля? Сам с ней разбирайся. Мое дело продать.

И я купил.

***

Словно души, оторванные от тел, мы сворачиваем в ледяной замок Хром.

Мы летим, не сбавляя скорости. Ощущение такое, будто мчишься на волне программы вторжения и, зависая над водоворотами перестраивающихся глитч-систем, пытаешься удерживаться на гребне. Кто мы сейчас? Разумные пятна масла, скользящие в беспросветности льда.

Где-то в тесноте чердака, под потолком из стекла и стали, далеко-далеко от нас остались наши тела. И времени, чтобы успеть проскочить, остается меньше и меньше.

Мы сломали ее ворота. Блеф с повестками из суда и маскировка под налоговую инспекцию сделали свое дело. Но Хром есть Хром. И наиболее прочный лед, который входит в ее средства защиты, именно для того и служит, чтобы расплевываться со всякими казенными штучками, вроде повесток, предписаний и ордеров. Когда мы сломали первый пояс защиты, вся база ее данных исчезла под основными слоями льда. Стены льда, разрастаясь перед глазами, превращались в многомильные коридоры, в лабиринты, полные тени. Пять ее контрольных систем выдали сигналы «Мэйдэй» нескольким адвокатским конторам. Поздно. Вирус, проникнув внутрь, уже принялся перестраивать структуры ледовой защиты. Глитч-системы глушат сигналы тревоги, а тем временем множащиеся субпрограммы выискивают любую щель, которую не успел затянуть лед.

Русская программа извлекает из незащищенных данных номер телефона в Токио, вычислив его по частоте разговоров, средней их продолжительности, и скорости, с которой Хром отвечала на эти вызовы.

— О'кэй, — говорит Бобби. — Теперь мы прокатимся на звоночке от этого ее дружка из Японии. Кажется, то, что нам нужно.

Вперед! Погоняй, ковбой!

***

Бобби читал свое будущее по женщинам. Они были, как знаки судьбы, предсказывающие перемену погоды. Он мог ночами просиживать в «Джентльмене-Неудачнике», ожидая, когда кончится невезение, и судьба, как карту в игре, подарит ему новую встречу.

Как-то вечером я допоздна заработался на своем чердаке, «распутывая» один чип. Рука моя была снята, и манипулятор

небольшого размера был вставлен прямо в сустав.

Бобби пришел с подружкой, которую я прежде не видел. Мне обычно бывает не по себе, если кто-нибудь незнакомый застает меня работающим вот так — со всеми этими проводами, зажатыми в штифтах из графита, что торчат из моей культи. Она сразу же подошла ко мне и взглянула на увеличенное изображение на экране. Потом увидела манипулятор, двигающийся под вакуумным покрытием. Она ничего не сказала, стояла и просто смотрела. И уже от одного этого мне сделалось хорошо.

— Знакомься, Рикки. Автомат-Джек, мой коллега.

Он рассмеялся и обнял Рикки за талию, и что-то в его тоне дало понять, что ночевать мне придется в загаженном номере отеля.

— Привет, — сказала она. Высокая, ей не было и двадцати, она выглядела что надо. В меру веснушчатый носик, глаза, по цвету напоминающие янтарь, но с темным, кофейным отливом. Узкие черные джинсы, закатанные по щиколотку, и простенький поясок из пластика в тон ее розоватым сандалиям.

До сих пор ночами, когда не идет сон, она стоит перед моими глазами.

Я вижу ее где-то там, за руинами городов, за дымами, и видение это подобно живой картинке, прилипшей к изнанке глаз. В светлом платье, которое едва прикрывает колени, — она была в нем в тот раз, когда мы остались вдвоем.

Длинные стройные ноги. Каштановые волосы вперемешку с белыми прядями взметнулись, будто в порыве ветра, прилетевшего неизвестно откуда. Они оплетают ее лицо, и после я вижу, как она машет мне на прощанье рукой.

Бобби устроил целое представление, пока копался в стопке магнитофонных кассет.

— Уже ухожу, ковбой, — сказал я, отсоединяя манипулятор. Она внимательно за мной наблюдала, пока я вновь надевал руку.

— А всякие мелочи ты умеешь чинить? — спросила она вдруг.

— О! Для вас — что угодно. Автомат-Джек все может. — И для пущего авторитета я прищелкнул дюралюминиевыми пальцами.

Она отстегнула от пояса миниатюрную симстим-деку и показала на крышку кассеты, у которой был сломан шарнир.

— Никаких проблем, — сказал я. — Завтра будет готово.

«О-хо-хо, — подумал я про себя. Сон уже вовсю тянул меня с шестого этажа вниз. — Интересно, и надолго ли хватит Бобби с таким лакомым кусочком, как этот? Если дело пойдет на лад, то,

считай, что уже сейчас, в любую из ближайших ночей, мы могли бы прикоснуться к богатству.»

На улице я усмехнулся, зевнул и остановил рукой подвернувшееся такси.

***

Твердыня Хром растворяется. Завесы из ледяных теней мерцают и исчезают, пожираемые глитч-системами, разворачивающимися из русской программы. Глитч-системы охватывают все, что лежит в стороне от направления нашего основного логического удара и заражают структуру льда.

Для компьютеров они, словно вирус, саморазмножающийся и прожорливый. Они постоянно меняются, каждая в лад со всеми, подчиняя и поглощая защиту Хром.

Обезвредили мы ее, или где-то уже прозвенел тревожный звоночек и помигивают красные огоньки? И Хром — знает ли об этом она?

***

Рикки-Дикарка — так прозвал ее Бобби. Уже в первые недели их встреч ей, должно быть, казалось, что теперь она обладает всем. Бестолковая сцена жизни развернулась перед ней целиком, четко, резко и ясно высвеченная неоновыми огнями. На ней она была новичком, но уже считала своими все эти бесконечные мили прилавков, суету площадей, клубы и магазины. А еще у нее был Бобби, который мог рассказать дикарке обо всех хитроумных проволочках, на которых держится изнанка вещей. Про всех актеров на сцене, назвать их имена и спектакли, в которых они играют. Он дал ей почувствовать, что она среди них не чужая.

— Что у тебя с рукой? — спросила она как-то вечером, когда мы, Бобби, я и она, сидели и выпивали за маленьким столиком в Джентльмене-Неудачнике.

— Дельтапланеризм, — сказал я. Потом добавил:

— Случайность.

— Дельтапланеризм над пшеничным полем, — вмешался Бобби, — неподалеку от одного городка, который называется Киев. Всего-то делов — наш Джек висел там в темноте под дельтапланом «Ночное крыло», да еще запихал между ног пятьдесят килограммов радарной аппаратуры. И какая-то русская жопа отрезала ему лазером руку. Случайность.

Не помню уж как я переменил тему, но все-таки мне это удалось.

Я каждый раз себя убеждал, что Рикки не сама ко мне напросилась, а во всем виноват Бобби. Я знал его довольно давно, еще с конца войны. И, конечно, мне было известно, что женщины для него лишь точки отсчета в игре, которая называлась: Бобби Квинн против судьбы, времени и темноты городов. И Рикки ему подвернулась как раз кстати. Ему позарез нужна была какая-то цель, чтобы прийти в себя. Потому-то он ее и вознес, как символ всего, что желал и не мог получить, всего, что имел и не мог удержать в руках.

Мне не нравилось слушать его болтовню о том, как сильно он ее любит, а от того, что он сам во все это верил, становилось еще противней. Он был хозяином своего прошлого со всеми его стремительными падениями и такими же стремительными подъемами. И все, что случилось сейчас, я видел, по крайней мере, дюжину раз. На его солнцезащитных очках вполне можно было бы написать большими печатными буквами слово «Очередная», и оно бы читалось всегда, когда мимо столика в «Джентльмене-Неудачнике» проплывало новое смазливое личико.

Я знал, что он с ними делал. У него они становились эмблемами, печатями на карте его деловой жизни. Они были навигационными маяками, на которые он шагал сквозь разливы неона и баров. А что же, как не они, могло им двигать еще? Деньги он не любил ни внешне, ни, тем более, внутренне.

Они были слишком тусклы, чтобы следовать на их свет. Власть над людьми? Он не терпел ответственности, на которую такая власть обрекает. И хотя у него и была какая-то изначальная гордость за свое мастерство, ее никогда не хватало, чтобы удерживать себя в боевом режиме.

Потому он и остановился на женщинах.

Когда появилась Рикки, потребность в новом знакомстве достигла последней черты. Он все чаще бывал понурым, а неуловимые денежки лукаво нашептывали на ушко, что игра для него потеряна. Так что большая удача была ему просто необходима, и, чем скорее, тем лучше. О какой-то другой жизни он просто понятия не имел, его внутренние часы были поставлены на время ковбоев-компьютерщиков и откалиброваны на риск и адреналин. И еще на блаженство утреннего покоя, которое приходит, когда каждый твой ход верен, и сладкий пирог чьего-нибудь чужого кредита перекочевывает на твой собственный счет.

Но чем дольше он находился с ней, тем более убеждался, что дело зашло слишком уж далеко, и пора собирать пожитки и убираться прочь. Потому что Рикки была совсем не такой, как другие, — в ней чувствовалось какая-то высота, какие-то

непостижимые дали. И все-таки — я это сердцем чувствовал, и сердце кричало Бобби — она была здесь, рядом, живая, совершенно реальная. Просто человек — с обыкновенным человеческим голодом, податливая, зевающая от скуки, красивая, возбужденная, словом, такая, как все.

Однажды днем он ушел, это было за неделю до того, как я уехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с Финном. Мы с Рикки остались на чердаке одни.

Собиралась гроза. Половина неба была скрыта от глаз куполом соседнего дома, который так и не успели достроить. Все остальное затянули черно-синие тучи. Когда она прикоснулась ко мне, я стоял у стола и смотрел на небо, одуревший от полдневной жары и влаги, переполнявшей воздух. Она притронулась к моему плечу в том месте, где розовел небольшой затянувшийся шрам, выглядывающий из-под протеза. Все, кто когда-нибудь касался этого места, вели руку вверх по плечу.

Рикки поступила иначе. Ее узкие, покрытые черным лаком ногти были ровными и продолговатыми. Лак был немногим темнее, чем слой углеродного пластика, который покрывал мою руку. Ее рука продолжала двигаться по моей, ногти черного цвета скользили вниз по сварному шву. Ниже, ниже, до локтевого сочленения из черного анодированного металла и далее, пока не достигли кисти. Рука ее была маленькой, как у ребенка, пальцы накрыли мои, а ладошка легла на просверленный дюралюминий.

Ее другая ладонь, взметнувшись, задела прокладки обратной связи, а потом весь полдень лил долгий дождь, капли ударяли по стали и перепачканному сажей стеклу над постелью Бобби.

***

Стены льда уносятся прочь, словно бабочки, сотканные из тени, летящие быстрее, чем звук. А за ними — иллюзия матрицы в пространстве, которое не имеет границ. Что-то подобное видишь, когда перед тобой на экране мелькают контуры проектируемого здания. Только проект прокручивается от конца к началу, и у здания вместо стен — разорванные крылья.

Я все время напоминаю себе, что место, где мы находимся, и бездны, которые его окружают, — иллюзия и не более. Что на самом деле мы не «внутри» компьютера Хром, а всего лишь подключены к нему через интерфейс, в то время как матричный симулятор на чердаке у Бобби поддерживает эту иллюзию… Появляется ядро данных, беззащитное, открытое для атаки… Это уже по ту сторону льда, матрицы подобного вида я еще никогда не видел, хотя пятнадцать миллионов законных операторов Хром

видят ее ежедневно и принимают как само собой разумеющееся.

Мы в башне ядра ее данных, вокруг, подобно огням несущихся по вертикали товарняков, мелькают разноцветные ленты — цветовые коды для допуска. Яркие главенствующие цвета, слишком яркие в этой призрачной пустоте, пересекаются бесчисленными горизонталями, окрашенными, словно стены в детской, в розовое и голубое.

Но остается еще что-то спрятанное за тенью льда в самом центре слепящего фейерверка: сердце всей этой недешево обходящейся для нее тьмы, самое сердце Хром…

***

Было уже далеко за полдень, когда я вернулся из своей нью-йоркской экспедиции за покупками. Солнце скрывалось за облаками, а на мониторе Бобби светилась структура льда — двумерное изображение чьей-то электронной защиты. Неоновые линии переплетались подобно коврику для молитв, расписанному в декоративном стиле. Я выключил пульт, и экран стал совершенно темным.

Весь мой рабочий стол был завален вещами Рикки. Косметика и одежда, засунутая в пакеты из нейлона, по соседству лежала пара ярко-красных ковбойских сапог, магнитофонные кассеты, глянцевые японские журналы с рассказами о звездах симстима. Я свалил все это под столик и, когда отцепил руку, вспомнил, что программа, которую я купил у Финна, осталась в правом кармане куртки. Мне пришлось повозиться, вытаскивая ее левой рукой и затем вставляя между прокладок в зажимы ювелирных тисочков.

Уолдо <термин, придуманное Хайнлайном и обозначающий специальный протез> походил на старый проигрыватель, на каких когда-то прокручивали записи на пластинках, а тисочки были прикрыты прозрачным пылезащитным колпаком. Сам манипулятор, чуть больше сантиметра в длину, перемещался на том, что раньше было на таких проигрывателях тонармом. На него я даже не посмотрел, когда прикреплял провода к культе. Я вглядывался в окуляр микроскопа, там в черно-белом цвете виднелась моя рука при сорокакратном увеличении.

Я проверил набор инструментов и взял лазер. Он показался мне немного тяжеловат. Тогда я подстроил сенсорный регулятор массы до четверти килограмма на грамм и принялся за работу. При сорокакратном увеличении сторона программной кассеты была похожа на грузовик.

На то, чтобы «расколоть» программу, у меня ушло восемь часов. Три часа — на работу с уолдо, возню с лазером и четыре

зажима. Еще два часа на телефонный разговор с Колорадо, и три — на перезапись словарного диска, способного перевести на английский технический русский восьмилетней давности.

Наконец, числовые ряды и буквы славянского алфавита замелькали передо мной на экране, где-то на половине пути превращаясь в английский текст.

Виднелось множество пропусков, там, где купленная у своего человека из Колорадо программа натыкалась при переводе на специальные военные термины.

Но какое-то представление о том, что я купил у Финна, мне все-таки получить удалось.

Я почувствовал себя кем-то вроде уличного хулигана, который пошел покупать пружинный нож, а вернулся домой с портативной нейтронной бомбой.

«Опять наебали, — подумал я. — На кой черт в уличной драке нужна нейтронная бомба?» Эта штука под пылезащитным кожухом была явно не для такой игры, как моя. Я даже представить не мог, куда бы ее спихнуть, и где найти покупателя. По-видимому, для кого-то это не составляло проблемы, но этот кто-то, ходивший с часами Порше и фальшивым бельгийским паспортом, отсутствовал по причине смерти. Сам же я подобного рода деятельностью заниматься не собирался. Да уж, действительно, у бедняги, которого замочили на окраине приятели Финна, были довольно необычные связи.

Программа, зажатая в моих ювелирных тисочках, оказалась не просто программой. Это был русский военный ледоруб, компьютерный вирус-убийца.

Бобби вернулся один, когда наступило утро. Я спал, сжимая в горсти пакетик приготовленных сэндвичей.

— Будешь? — спросил я его и вытащил из пакета сэндвич. Я еще не проснулся по-настоящему. Мне снилась моя программа, волны ее изголодавшихся глитч-систем и подпрограммы-хамелеоны. Во сне она представлялась каким-то невиданным зверем, бесформенным, снующим по всем направлениям.

Подходя к пульту, он отбросил попавшийся под ноги мешок и нажал функциональную клавишу. На экране засветился тот самый хитроумный узор, что я видел перед тем накануне. Прогоняя остатки сна, я протер глаза левой рукой, потому что правая на такую вещь была давно уже не способна. Когда я засыпал, то все пытался решить, стоит ли ему рассказывать о программе.

Может, имеет смысл попытаться ее продать, оставить себе все деньги, а после уговорить Рикки и махнуть с ней куда подальше.

— Чье это? — спросил я.

— Хром, — Бобби стоял перед экраном в черном

хлопчатобумажном трико и старой кожаной куртке, наброшенной на плечи, как плащ. Уже который день он не брился, и лицо его казалось еще более осунувшимся, чем всегда.

Руку свело от судороги и она начала пощелкивать — по углеродным прокладкам через мою нейроэлектронику страх передался и ей. Сэндвичи вывалились из руки, и по давно не метенному деревянному полу рассыпались пожухлые листики брюссельской капусты и подсохшие ломти промасленного ярко-желтого сыра.

— Ты, точно, свихнулся.

— Нет, — сказал Бобби. — Думаешь она нас выследила? Ничего подобного.

Мы были бы уже трупами. Я подключился к ней через арендную систему в Момбасе с тройной слепой защитой и через алжирский спутник связи. Она, конечно, узнала, что кто-то пробовал подсмотреть, но так и не догадалась, кто.

Если бы Хром удалось отыскать подход, который сделал Бобби к ее льду, мы бы, наверняка, считались уже мертвецами. В этом Бобби был прав. И она уничтожила бы меня еще на пути из Нью-Йорка.

— Но почему непременно она, Бобби? Приведи хотя бы один здравый довод…

Хром. Я видел ее не более дюжины раз в «Джентльмене-Неудачнике».

Может быть она просто наведывалась в трущобы. Или же проверяла, как обстоят дела в человеческом обществе, к которому ее тянуло по старой привычке. Маленькое приторное лицо, похожее по очертаниям на сердце, с парой глаз, злее которых вам вряд ли где доводилось встречать. На вид ей было не больше четырнадцати, и никто не помнил, чтобы она когда-нибудь выглядела по-другому. Такой она сделалась в результате нарушения обмена веществ от усиленного накачивания себя сыворотками и гормонами. Подобной уродины улица еще не рождала, но она больше не принадлежала улице. Хром водила дела с Мальчиками, и в их местной Банде пользовалась сильным влиянием. Ходили слухи, что начинала она, как поставщик, в те времена, когда искусственные гипофизные гормоны были еще под запретом. Но с торговлей гормонами она давно уже завязала. Сейчас ей принадлежал Дом Голубых Огней.

— Ты законченный идиот, Квинн. Хоть что-нибудь ты можешь сказать, чтобы оправдать это? — Я показал на экран. — Кончай с этим, ты понял?

Немедленно, прямо сейчас…

— Я слышал, как в «Неудачнике» трепались Черный Майрон и

Корова Джейн, — он передернул плечами, сбрасывая кожаную куртку. — Джейн послеживает за всеми секс-линиями. Она говорит, что знает куда уходят настоящие денежки. Так вот, она поспорила с Майроном, что у Хром контрольный пакет в Голубых Огнях. И она — не просто очередная подставка Мальчиков.

— «Мальчиков», вот именно, Бобби, — сказал я. — Или как они там еще себя называют. Хоть это ты можешь понять? Или ты забыл, что мы не вмешиваемся в их дела? Только поэтому мы еще ползаем по земле.

— Поэтому мы с тобой бедняки, коллега, — он откинулся перед пультом на вращающемся стуле и, расстегнув трико, почесал свою бледную костлявую грудь. — Но, кажется, осталось не долго.

— Кажется, что коллегами мы с тобой тоже уже никогда не будем.

На это он усмехнулся. Усмешка его была, действительно, как у психа, звериная и какая-то вымученная. В этот момент я понял, что ему и вправду насрать на смерть.

— Послушай, — сказал я, — у меня еще остались кое-какие деньги, ты же знаешь. Взял бы ты их себе да смотался на метро до Майами. А там перехватишь вагон до бухты Монтего. Тебе нужен отдых, приятель. Тебе обязательно надо набраться сил.

— Мои силы, Джек, — сказал он, набирая что-то на клавиатуре, — еще никогда не были такими собранными, как сейчас.

Неоновый молитвенный коврик на экране задрожал и стал оживать, когда включилась анимационная программа. Структурные линии льда переплетались с завораживающей частотой, словно живая мандала. Бобби продолжал ввод команд, и движение сделалось медленнее. Стала очерчиваться некоторая определенная структура, уже не такая сложная, как была, и вскоре она распалась на две отдельных фигуры, изображения которых появлялись и исчезали, попеременно чередуясь друг с другом. Работа была проделана на отлично, я не думал, что он еще на такое способен.

— Минуту! — воскликнул он. — Вон там, видишь? Подождика. Вон там. И еще там. И там. Легко ошибиться. Вот оно. Подключение через каждые час и двадцать минут с помощью сжатой передачи на их спутник связи. Мы могли бы жить целый год на том, что она выплачивает им раз в неделю по отрицательным процентным ставкам.

— Чей спутник?

— Цюрих. Ее банкиры. Там у нее банковский счет, Джек. Вот куда стекаются денежки. Корова Джейн была права.

Я просто стоял, не двигаясь. Даже рука примолкла.

— Ну, и как ты провел время в Нью-Йорке, коллега? Что-нибудь удалось достать? Что-нибудь такое, чем мне прорубить лед? Неважно что, все бы сгодилось.

Я, не отрываясь смотрел в глаза Бобби, заставляя себя не оглядываться в сторону Уолдо и ювелирных тисочков. Русская программа все еще оставалась там, прикрытая пылезащитным кожухом.

Случайные карты, повелители судьбы.

— А где Рикки? — Я подошел к пульту и сделал вид, что изучаю чередующиеся на экране структуры.

— Где-то с приятелями, — Бобби пожал плечами. — Дети, все они помешаны на симстиме. — Он задумчиво улыбнулся. — Дружище, я собираюсь это сделать ради нее.

— Мне надо хорошенько надо всем этим подумать, Бобби. Но, если хочешь, чтобы я вернулся, держи руки подальше от клавишей.

— Я делаю это для нее, — повторил он, когда я закрывал за собой дверь. — Ты это знаешь.

***

И сразу же вниз, вниз — программа, словно сорвавшаяся с горы лавина, продирается сквозь лабиринт, обнесенный стенами тени, несется в серых кафедральных пространствах между ярко освещенными башнями. Скорость просто безумная.

Черный лед. Не надо об этом думать. Черный лед.

Каких только легендарных историй неуслышишь в «Джентльмене-Неудачнике». И рассказы про Черный лед — тоже из их числа.

Это лед, созданный убивать. Он действует незаконно, ну а кто из нас может сказать про себя другое? По сути, это какая-то новая система оружия, основанного на принципе нейронной обратной связи, с которым ты вступаешь в контакт всего только раз, но и этого раза хватает. Что-то вроде страшного заклинания, которое разъедает твой мозг изнутри. Словно приступ эпилепсии, который все длится и длится, пока от тебя не остается уже совсем ничего…

И вот мы ныряем туда, где скрыто самое главное, — то, на чем держится замок теней Хром.

Я пытаюсь владеть собой, когда внезапно перехватывает дыхание и по телу разливается слабость, — я чувствую, что нахожусь на грани нервного срыва. Это все страх — страх ожидания того ледяного заклятия, которое ждет нас где-то внизу,

во тьме.

***

Я ушел и принялся разыскивать Рикки. Она сидела в кафе с пареньком, носившим глаза от Сендай. Полузажившие линии швов веером расходились от его опухших глазных впадин. На столике перед ней лежала раскрытая, отсвечивающая глянцем брошюра, и оттуда с дюжины фотографий смотрела улыбающаяся Тэлли Ишэм — Девушка-с-Глазами-Иконами-от-Самого-Цейсса.

Ее портативная симстим-дека тоже валялась среди той кучи вещей, которую я прошлым вечером отправил к себе под стол, та же самая, что я починил на следующий день после нашей первой с ней встречи. Целые часы проводила она, развлекаясь с этой игрушкой. Контактный обруч охватывал ее лоб, словно серая пластиковая тиара. От Тэлли Ишэм Рикки была без ума, и, коронованная контактным обручем, она витала где-то там, в вышине, на крыльях записей переживаний величайшей звезды симстима. Симулированный стимул — симстим: весь мир, во всем его блеске, — глазами и чувствами Тэлли Ишэм. Тэлли участвует в гонках на своем черном Фоккер-экраноплане над вершинами холмов Аризоны. Тэлли на подводной прогулке в заповедных владениях острова Трук. Тэлли на приемах с мультимиллионерами на частных Греческих островках — дух захватывает от одного вида этих белых маленьких бухточек, омытых на рассвете зарей.

Она и вправду во многом напоминала Тэлли. Такой же оттенок кожи, одинаковый разлет скул. А вот рот у Рикки, пожалуй, привлекал даже больше.

Непонятно чем — дерзостью своей, что ли. Да Рикки и сама не хотела быть копией Тэлли Ишэм, она просто мечтала заполучить эту работу. Она была на этом повернута — сделаться звездою симстима. Бобби, по обыкновению отшутившись, просто отбросил такую идею прочь. С ней же мы обсуждали это дело серьезно. — Как бы я смотрелась с такой вот парочкой? — спрашивала она меня, держа в руках фотопортрет Тэлли Ишэм размером во всю страницу.

Голубые глаза Цейсс Икон находились точно на уровне с ее янтарно-коричневыми. Она уже дважды переделывала свои роговицы, но заветного индекса 20-20 по-прежнему достичь не могла. Поэтому ей так хотелось приобрести Иконы от Цейсса. Марку звезд. Стоимости безумной.

— Как всегда, пялилась у витрин на глаза? — спросил я, подсев к их столику.

— Тигр раздобыл себе кое-что, — сказала она. Я подумал, что выглядит она что-то уж очень устало.

Тигр, видно, так обалдел от своих Сендай, что просто сиял от улыбки.

Однако я сомневался, стоило ли ему вообще улыбаться. Он старался придать себе вид вполне респектабельного человека, который, наверное, бывает после этак седьмого похода в хирургический кабинет. Обычно, такие, как он, проводят остаток жизни, гоняясь вслед за толпой за очередным баловнем моды, популярным в последнем сезоне. Они довольны средненькой копией, об оригинальности здесь говорить не приходиться.

— Сендай, не так ли? — я ему улыбнулся.

Он ответил кивком. Я видел, как он пытается изобразить у себя на лице взгляд, соответствующий по его представлениям профессиональному взгляду звезды симстима. Он, должно быть, воображал, что все, на что он не посмотрит, мгновенно передается на запись. Я заметил, что его взгляд что-то уж слишком долго задерживается на моей руке.

— В провинции им цены не будет, вот только заживут мышцы, — сказал Тигр. Я видел, как неуверенно он потянулся за своим двойным эспрессо.

Глаза Сендай всюду славятся дефектами глубины восприятия и накладками по части гарантий, не говоря уже про все остальное.

— Тигр завтра уезжает в Голливуд.

— А оттуда прямиком в Чиба-сити, верно? — я ему опять улыбнулся. На этот раз он улыбаться не стал.

— Получил предложение, Тигр? Должно быть, познакомился с кем-нибудь из агентов?

— Пока еще только присматриваю, — негромко ответил Тигр. После этого он встал и ушел, на ходу бросив быстрое до свидания Рикки. На меня он даже не посмотрел.

— Зрительные нервы у этого паренька скорее всего начнут выходить из строя месяцев через шесть. Ты знаешь про это, Рикки? Эти Сендай почти всюду запрещены — в Англии, в Дании… Свои нервы ничем не заменишь.

— Эй, Джек, может обойдемся без лекций? — Она стащила одну из моих французских булочек, которые я заказал перед этим, и сидела, посасывая ее островерхий край.

— Малыш, а ведь я считал, что могу быть твоим советчиком.

— Можешь-можешь. А что касается Тигра, он и вправду сейчас не слишком быстр на глаза, зато о Сендай знают все. Просто других он себе пока не может позволить. Пойми ты — это его попытка выкарабкаться. Если он получит работу, то найдет,

чем их заменить.

— Этими? — я постучал пальцами по брошюре с рекламой Цейсса. — Каких они стоят денег, Рикки? Впрочем, разве тебя убедишь? Тебе же нравятся всякие рискованные затеи.

Она кивнула.

— Я очень хочу такие.

— Если ты идешь к Бобби, скажи ему, чтобы он сидел тихо, пока не услышит вестей от меня.

— Хорошо. Это что, бизнес?

— Бизнес, — сказал я. Хотя это было обыкновенное сумасшествие.

Я допил кофе, она прикончила обе моих французских булочки. После этого я проводил ее до квартиры Бобби. А потом сделал пятнадцать телефонных звонков, меняя после каждого таксофоны.

Бизнес. Это куда страшнее, чем сумасшествие.

На то, чтобы подготовить сожжение, у нас ушло шесть недель. И все эти шесть недель Бобби не уставал повторять, как сильно он ее любит.

Приходилось выкладываться в работе, чтобы как-то с этим справляться.

В основном я проводил время на телефонах. Из тех первых пятнадцати звонков, с которых я начинал прощупывать почву, в свою очередь каждый породил еще не меньше пятнадцати. Я искал определенную службу, которая, как мы с Бобби считали, должна, во-первых, быть неотделима от мировой экономики в целом. И, второе, чтобы она обслуживала не более пяти клиентов одновременно. То есть, служба должна быть из тех, которые предпочитают держаться в тени.

Одним словом, мы занимались поисками перекупщика краденого с крепко налаженными контактами по всему миру. Чтобы это была не просто отмывка денег, а полное перераспределение многомиллиардодолларового банкового капитала, причем об этом не должен был догадываться никто.

Все мои звонки оказались пустой тратой времени, и вот тут-то опять подвернулся Финн, который и подсказал мне путь, по которому следовало идти. Я отправился в Нью-Йорк для покупки устройства типа черного ящика, потому что с оплатой всей этой прорвы телефонных звонков мы могли запросто разориться.

Я как можно туманней обрисовал ему нашу задачу.

— Макао, — предложил он.

— Макао?

— Семья Лонг Хам. Биржевые маклеры.

У него даже оказался их телефонный номер. Правильно

говорят: если хочешь найти одного перекупщика краденого — спрашивай у другого.

Эти ребята Лонг Хама оказались такими тертыми, что даже мои робкие попытки сближения воспринимали, как нечто вроде тактического ядерного удара. Бобби пришлось дважды слетать в Гонконг, чтобы все четко с ними обговорить. Наши денежки таяли, и довольно быстрыми темпами. Я по-прежнему сам не знал, почему сразу не отказался от участия в этом предприятии. Хром я боялся, а к богатству был всегда равнодушен.

Я пытался себя убедить, что сжечь Дом Голубых Огней, не такая уж и плохая идея. Место было уж больно гнилое, как вспомнишь — прямо мороз по коже. И все-таки принять это, как что-то само собой разумеющееся, я не мог. Я не любил Голубые Огни, потому что в один из тамошних вечеров довел себя до полной потери сил. Но это не было причиной охоты на Хром.

По-совести говоря, уже где-то на половине пути, когда мы к ней подбирались, я решил, что эта попытка закончится нашей гибелью. Даже обладая программой-убийцей, шансов на выигрыш у нас не было практически никаких.

Бобби ушел с головой в составление меню команд, которые мы рассчитывали ввести в сердцевину компьютера Хром. Вся эта возня со вводом целиком лежала на мне, потому что, когда дело завертится, руки у Бобби будут полностью заняты тем, чтобы не дать русской программе перейти к прямому разрушению системы. Переписать мы ее не могли, слишком она была для этого сложной. И поэтому он собирался попробовать удержать ее хотя бы в течение двух секунд, которые мне понадобятся для ввода.

Я договорился с одним уличным мордоворотом по фамилии Майлс. Он должен был в ночь сожжения повсюду сопровождать Рикки и глаз с нее не спускать, а в определенное время позвонить мне по телефону. Если бы меня вдруг не оказалось на месте, или же мой ответ был не таким, как мы договорились заранее, я наказал ему сразу же хватать Рикки и сажать ее в первую попавшуюся подземку, следующую как можно дальше от района, в котором мы жили. Я дал ему в руки конверт с деньгами и запиской с условием, что он все это передаст ей.

Бобби даже в голову не приходило подумать о том, что может случится с Рикки, если наша затея провалится. Как заведенный, он твердил и твердил мне про то, как сильно он ее любит, и куда они отсюда уедут, и как бы они там тратили деньги.

— Дружище, первым делом купи для нее пару Икон. Больше ей ничего не надо. Для нее все это кино с симстимом, похоже, всерьез и надолго.

— Брось, — сказал он, оторвавшись от клавиатуры. — Работа

ей теперь не нужна. Мы устроим для нее это, Джек. Она — мое счастье. Ей никогда в жизни не придется больше работать.

— Твое счастье, — повторил я чуть слышно. Сам я не был счастливым. Я даже не мог припомнить, бывал ли я счастлив вообще. — А когда ты в последний раз виделся со своим счастьем?

Он ее не видел давно, я тоже. Мы были слишком заняты.

Мне не доставало ее. Эта тоска напомнила мне одну ночь проведенную в Доме Голубых Огней. Я и отправился-то туда в тот раз потому, что пребывал в безнадежной тоске после очередной потери. Для начала, как водится, я напился, а потом стал усиленно в себя вкачивать вазопрессиновые ингаляторы. Если ваша постоянная женщина вдруг решает объявить забастовку, ничего не может быть лучше приличной выпивки и порции вазопрессина — он, пожалуй, самое убойное из всего, что придумала мазохистская фармакология.

Выпивка приводит вас в чувство, а вазопрессин — ничего не дает забыть. Вот именно, вы помните все, что было. Это средство используют в клиниках для борьбы со старческой амнезией. Но улица любой вещи находит собственное применение. Потому я и выложил денежки за ускоренное, так сказать, воспроизведение того, что случилось со мной плохого. Вся незадача в этом деле состоит в том, что наравне получаешь и хорошее и плохое. Хочется тебе чего-нибудь вроде звериного экстаза — пожалуйста, получи. А в придачу и то, что она тебе на это ответила, и еще, как она ушла, так ни разу и не оглянувшись назад.

Я не помню, что меня толкнуло податься в Голубые Огни, и как вообще я оказался в этих тихих, заглушающих шаги коридорах. И, правда ли, я там видел бурлящую струю водопада или это всего лишь была декорация, наклеенная на стену, а, может быть, обыкновенная голограмма. В тот вечер у меня не было недостатка в деньгах. Один из наших клиентов перечислил Бобби приличную сумму за прорубку трехсекундного окна в чьем-то льду.

Я не думаю, чтобы вышибалам, которые стояли при входе, понравилось, как я выгляжу, но с моими деньгами это не имело значения.

Когда с делом, ради которого я здесь оказался, было покончено, мне опять захотелось выпить. После этого я, помнится, отпустил что-то вроде остроты бармену по поводу некрофилов за стойкой, и ему это, по-моему, не понравилось. Во всяком случае, этот приличных размеров тип стал упорно называть меня Героем войны, что мне, естественно, не понравилось тоже. Я думаю, мне удалось успеть показать ему

несколько превращений с рукой, пока я полностью не отключился и не проснулся двумя днями позже в каком-то типовом спальном модуле, неизвестно где. Дешевле место и захочешь, да не найдешь, там даже негде было повеситься. И я сидел на узком, покрытом мыльной пеной настиле и плакал.

Одиночество — это еще не самое страшное, что бывает в жизни. Но то, на чем они делают деньги в Доме Голубых Огней, — пользуется, не смотря ни на что, такой популярностью, что стало почти легальным.

***

В сердце тьмы, в ее замершем в неподвижности центре, глитч-системы вспарывают темноту водоворотами света. Они подобны полупрозрачным бритвам, раскручивающимся от нас во все стороны. Мы зависаем в центре безмолвного, словно снятого замедленной съемкой, взрыва. Осколки льда разлетаются и падают вокруг целую вечность, и голос Бобби неожиданно прорывается сквозь световые годы всей этой обманчивой электронной пустоты.

— Давай, жги ее, суку. Я не могу больше удерживать программу…

Русская программа, прокладывает себе дорогу наверх, пронзая насквозь башни данных и окрашивая все, что вокруг, в цвета игровой комнаты. Я ввожу пакет подготовленных Бобби команд прямо в центр холодного сердца Хром. В него врезается струя передачи — импульс сконцентрированной информации, и выстреливается прямо вверх, мимо сгущающейся стены тьмы, мимо русской программы, в то время, как Бобби силится удержать под контролем ту единственную секунду, которая для нас сейчас важнее, чем жизнь. Не до конца оформившееся щупальце тьмы делает судорожную попытку наброситься с высоты мрака, но слишком поздно.

Мы сделали это.

Матрица складывается вокруг меня сама по себе с волшебной легкостью оригами.

Чердак пропах потом и запахами горелой электроники.

В какой-то момент мне послышался резкий металлический звук, я подумал — это визжит Хром, потом понял, что просто не мог ее слышать.

***

Бобби смеялся так, что слезы выступили на глазах. Цифры в

углу монитора показывали 07:24:05. Сожжение заняло чуть меньше восьми минут.

А я смотрел и не мог оторваться от русской программы, расплавившейся в своем пазу.

Основную сумму Цюрихского счета Хром мы перечислили дюжине различных благотворительных организаций мира. Но слишком там много было всего, что нужно было куда-то девать. Мы знали, что ничего другого не остается, как просто-напросто переломить ей хребет, сжечь ее полностью, без остатка.

Иначе — она непременно начнет за нами охоту. Лично себе мы взяли что-то около десяти процентов и отправили их через организацию Лонг Хамов в Макао. Из этого шестьдесят процентов они прибрали себе, а то, что осталось, перекинули нам обратно через самый глухой и запутанный сектор Гонконгской биржи. Прошел час, прежде чем наши деньги стали поступать на счета, которые мы открыли в Цюрихе.

Я молча наблюдал, как нули горкой набирались позади ничего не значащей цифры на мониторе. Я был богат.

Потом зазвонил телефон. Это был Майлс. Я чуть не забыл про нашу условную фразу.

— Джек, старик, я не знаю — что там получилось с этой твоей девчонкой. Какая-то странная штука, фиг поймешь…

— Что? Давай попонятнее.

— Я шел за ней, как договаривались, вплотную, но на глаза не высовывался. Она двинула к Неудачнику, немного там поторчала, а после села в метро. Она отправилась в Дом Голубых Огней…

— Она — что?

— Дверь сзади. Где только для персонала. Я не смог пробраться мимо службы их безопасности.

— И она сейчас там?

— Да нет, старик, просто я ее потерял. Здесь внизу все как будто с ума посходили. Похоже, что Голубым Огням крышка. По мне так — так им и надо. Представляешь, сработали сразу семь систем тревоги в разных местах, все чего-то бегают, охрана в полной выкладке, будто ждут беспорядков… А сейчас, и вообще — такое творится… Проходу нет от всех этих деятелей из страховых контор, торговцев недвижимостью, фургонов с муниципальными номерами…

— Майлс, куда она могла деться?

— Джек, так получилось…

— Послушай, Майлс. Оставь деньги, те, что в конверте, себе. Хорошо?

— Ты серьезно? Не думай, мне самому обидно. Я…

Я положил трубку.

— Подожди. Когда она об этом узнает… — заговорил Бобби, обтирая себе грудь полотенцем.

— Вот ты сам ей все и расскажешь, ковбой. А я пошел прошвырнуться.

И я окунулся в ночь, в неоновые огни, позволив толпе увлечь меня за собой, шел и ничего не видел, желая лишь одного — почувствовать себя малой клеточкой всего этого гигантского человеческого организма. Всего лишь еще одним чипом сознания, дрейфующим под геодезическими куполами. Я ни о чем не думал, просто переставлял ноги, но через какое-то время мысли сами полезли в голову. И вдруг все стало ясно. Просто ей нужны были деньги.

Еще я думал о Хром. О том, что мы убили, уничтожили ее так же верно, как если бы перерезали ей горло ножом. И ночь, которая вела меня сейчас своими гульбищами и площадями, уже объявила охоту и на нее. И ей некуда было деться. И еще я подумал о том, как много у нее врагов в одной только этой толпе, и что они теперь станут делать, когда ее деньги им уже не страшны. Мы забрали у нее все, что было. Она снова оказалась на улице. Я сомневался, что она проживет хотя бы до рассвета.

Потом я вспомнил про то кафе, в котором я повстречал Тигра.

Ее очки против солнца, и длинные черные тени, падавшие от них на лицо, и грязное пятно от румян — цвета плоти — в углу на одной из линз рассказали мне обо всем.

— Привет, Рикки, — сказал я, как ни в чем не бывало, а сам уже наверняка знал, что увижу, когда она снимет очки.

Синева. Синева Тэлли Ишэм. Ничем не замутненная синева — что-то вроде торговой марки, по которой их узнают везде. И по кругу на каждом зрачке крошечными заглавными буквами выведено — Иконы Цейсса. Буковки словно парят, они мерцают, как золотые блестки.

— Красиво, — сказал я. Румяна скрывали лишь несколько едва заметных царапин. И ни одного шрама, настолько все было хорошо исполнено. — Ты где-то подзаработала денег?

— Да, заработала, — она поежилась, когда это сказала. — Но больше так зарабатывать не хочу. Во всяком случае — не на этом.

— Я думаю, эта контора бизнесом больше заниматься не будет.

— О-о-о, — только и сказала она. При этом ее лицо ни сколько не изменилось. Новые голубые глаза оставались глубоки и неподвижны.

— Впрочем, это уже не имеет значения. Тебя дожидается Бобби. Мы только что отхватили приличный кусок.

— Нет. Я должна уехать. Я думаю, он этого не поймет, но мне, правда, нужно ехать.

Я кивнул головой и тупо смотрел, как моя рука протянулась, чтобы взять ее руку. Рука моя была словно чужая и жила от меня отдельно.

Наверно, так оно и было на самом деле, хотя она и оперлась на нее по привычке.

— У меня билет в один конец, в Голливуд. У Тигра там есть знакомые, у которых можно остановиться. Может быть, мне даже повезет попасть в Чиба-сити.

Насчет Бобби она оказалась права. Назад мы вернулись вместе. Бобби ее не понял. Но она уже сделала для него все, что могла сделать. Я пытался ей намекнуть, что сейчас она причиняет ему только боль. Уж мне-то хорошо было видно, как ему от нее больно. Он даже не захотел проводить ее в коридор, когда были упакованы сумки. Я поставил их на пол и поцеловал ее, при этом смазав помаду. И что-то такое поднялось у меня внутри, подобно программе-убийце, когда мы сжигали Хром. Дыхание мое оборвалось, и я неожиданно понял — что бы я ей сейчас ни сказал, все слова будут лишними.

Ей нужно было торопиться на самолет.

Бобби, как всегда, развалясь, сидел во вращающемся кресле перед своим монитором и смотрел на вереницу нулей. Глаза его были прикрыты зеркалками, и я был более, чем уверен, что к ночи он уже будет сидеть в Джентльмене-Неудачнике и интересоваться погодой. Он не мог жить спокойно без знака, любого, хоть какого-нибудь, который бы ему подсказал, на что же будет похожа теперешняя его жизнь. Но я-то наверняка мог сказать, что вряд ли она будет чем-нибудь отличаться от прежней. И комфортабельней она никогда не станет, но несмотря на это, он всегда будет ждать свою новую, уже какую по счету, карту.

Я даже представить себе не мог ее в Доме Голубых Огней, как она отрабатывает свою трехчасовую норму в приближении REM сна, а этим временем тело ее и цепочки рефлексов проявляют заботу о бизнесе. Клиентам не приходилось жаловаться на подделку, потому что оргазмы эти были самые настоящие. Для нее самой они промелькивали от чувств вдалеке, на самой границе сна, неуловимыми серебряными всполохами. Да, это было так популярно, что про незаконность как-то забыли. Посетители прямо-таки разрываются между жаждой кого-нибудь поиметь и желанием быть в одиночестве, и все это одновременно. И, наверное, такое всегда было в природе этой прихотливой игры, задолго до того, как в это дело стали впутывать нейроэлектронику, которая и позволила совместить две

несовместимые вещи.

Я снял телефонную трубку и набрал номер ее авиалинии. Потом назвал ее настоящее имя и номер рейса.

— Она хочет поменять направление, — сказал я. — На Чиба-сити. Да-да.

Япония. — Я вставил в паз кредитную карточку и набрал свой идентификационный код. — Первым классом. — Я вслушивался в далекий шум, пока они проверяли записи о моих кредитах. — И, пожалуйста, сделайте ей билет с возвратом.

Я все же думаю, что она вернула деньги за этот билет в оба конца, он просто ей оказался не нужен. Обратно она уже не вернулась. И иногда, поздно ночью, останавливаясь у витрин с плакатами звезд симстима и вглядываясь в эти прекрасные, как две капли воды, похожие друг на друга, глаза, которые смотрят на меня с таких же одинаковых лиц, я вижу — эти глаза ее. Но ни одно из лиц, ни одно — никогда не принадлежит ей. И вдруг мне начинает казаться, что где-то далеко-далеко, за гранью расползшейся во все стороны ночи, в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.